

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 392(510)+398.5(=512.212)

*Е. Э. Войтишек, Д. С. Бочкарева***ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЧИ ЦЫЦЗЯНЬ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ПРАВЫЙ БЕРЕГ РЕКИ АРГУНЬ»)¹**

Новосибирский государственный научно-исследовательский университет,
Российская Федерация, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

В статье анализируются особенности фольклора эвенков Китая, рассмотренные на материале романа современной китайской писательницы Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь» (2005). Жанровые особенности этнопрозы дают основания анализировать роман не только как художественное произведение, но и во многом рассматривать его материал как ценный историко-этнографический и фольклорный источник.

Широко используя возможности фольклорных жанров (легенды, предания, мифы, сказки, приметы, песни шамана), Чи Цзыцзянь описывает обычаи и обряды эвенков. Подробно рассмотрена группа сюжетов, отражающих особое отношение народа к природе, к культу оленя, к охоте. Проанализированы некоторые ритуальные песни эвенкийских шаманов. Песни шамана, тесно связанные с главными событиями в жизни каждого человека, представляют важную часть фольклора эвенков, сложившуюся под влиянием шаманизма.

В контексте сравнительного анализа фольклорных мотивов народов Сибири и Дальнего Востока большое значение имеет группа похожих сюжетов, преданий и легенд, что свидетельствует о наличии длительных межэтнических и межкультурных контактов многих народов, населявших обширные территории Северной Азии. Библиогр. 17 назв.

Ключевые слова: фольклор, эвенки Китая, Чи Цзыцзянь, роман «Правый берег реки Аргунь», ритуальные песни шамана, этнопроза.

**FOLKLORE MOTIVES IN THE CHI ZIJIAN NOVEL
THE RIGHT BANK OF THE ARGUN RIVER***E. E. Voytishchek, D. S. Bochkareva*

Novosibirsk State University, 2, ul. Pirogova, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The paper analyzes the features of the folklore of Chinese Evenki, which were considered in the novel the Right Bank of the Argun river written by modern Chinese writer Chi Zijian (2005). The genre features of ethnic prose give grounds to analyze the novel not only as a piece of art, but also as material presenting valuable historical and ethnographic folklore source. Widely using the possibilities of folklore genres (legends, fables, myths, tales, superstitions, and shaman), Chi Zijian describes customs and traditions closely related to the oral folklore of Evenki. A group of plots reflecting the Evenki's special attitude

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (№ 33.702.2014).

to the nature, fire and fireside worship, and hunting is considered in detail. Shaman songs that are closely related to the main events in each human life are an important part of Evenk folklore, which was influenced by shamanism. In the context of a comparative analysis of folklore motives of Siberian and Far Eastern peoples, a group of similar plots, legends and fables is of great importance. This indicates to existence of long interethnic and cross-cultural contacts of many peoples populating waste territories of Northern Asia. Refs 17.

Keywords: folklore, Chinese Evenki, Chi Zijian, the novel “The Right Bank of the Argun river”, ritual shaman songs, ethnic prose.

Чи Цзыцзянь (迟子建) — одна из наиболее известных писательниц современного Китая². Свою писательскую карьеру Чи Цзыцзянь начала в 1983 г. Ее наиболее известные произведения: романы «Под деревом» («树下», 2001), «Утренний колокол звучит до сумерек» («晨钟响彻黄昏», 1997), «Марионеточное правительство Маньчжоуго» («伪满洲国», 2000), «Ясная погода над облаком» («越过云层的晴朗», 2003), «Черный ворон, белый снег» («白雪乌鸦», 2010), «Правый берег реки Аргунь» («额尔古纳河右岸», 2005); сборники рассказов «Сказка об арктической деревне» («北极村童话», 1986), «Путешествие в ночи» («向着白夜旅», 1994), а также сборники прозы и очерков «迟子建文集» и «迟子建散文».

Чи Цзыцзянь по праву называют яркой звездой современной китайской литературы. Сегодня Чи Цзыцзянь — единственная писательница в Китае, которая имеет более трех литературных наград имени Лу Синя (в 1996 г. — первая премия за повесть «Хлев под луной»³ 雾月牛栏; в 1997 г. и в 2000 г. — вторая и третья премии за повести «Убирать пыль чистой водой» 清水洗尘 и «Все ночи во вселенной» 世界上所有的夜晚). Чи Цзыцзянь также двукратный лауреат премии имени Бин Синь⁴, обладательница премии имени Мао Дуня⁵, а недавно она была награждена специальной литературной премией в Австралии. Среди ее наград есть литературные премии за роман, короткий рассказ и повесть.

Несмотря на то что многие произведения Чи Цзыцзянь переведены на английский, французский, японский, итальянский и корейский языки, в России ее имя знакомо пока лишь специалистам в области современной китайской литературы и узкому кругу читателей по некоторым переводам ее произведений на русский язык⁶.

² Чи Цзыцзянь родилась в 1964 г. во время Праздника фонарей Юаньсяо 元宵节, или 灯节 дэнцзе, который отмечается 15 числа 1-го лунного месяца (детское имя — Индэн 迎灯, что буквально означает «встречать Праздник фонарей»). Получив педагогическое образование в провинции Хэйлунцзян, Чи Цзыцзянь в 1987 г. уехала в столицу и поступила в аспирантуру в Пекинском педуниверситете и в Институте литературы имени Лу Синя. После завершения учебы она работала в ассоциации писателей провинции Хэйлунцзян. Сегодня Чи Цзыцзянь занимает пост председателя этого творческого союза и является членом Союза писателей Китая.

³ Премия Лу Синя дается в номинации за лучшую повесть. На русском языке произведение опубликовано как рассказ «Месяц туманов» (пер. А. В. Неклюдовой).

⁴ Бин Синь (1900–1999) — поэтесса и детская писательница. Премия присуждается за достижения в детской литературе.

⁵ Литературная премия Мао Дуня, утвержденная в 1981 г., присуждается за лучшие романы. Премия является одной из наиболее престижных литературных наград в Китае.

⁶ Здесь уместно отметить переводческую деятельность петербургских синологов: рассказ «Горшок свиного жира» (пер. Е. А. Завидовской) в сборнике «Сорок третья страница. Китайская проза XXI века» (2011) и рассказ «Месяц туманов» (пер. А. В. Неклюдовой), опубликованный в сборнике «Месяц туманов. Антология современной китайской прозы» (2007).

Между тем творчество Чи Цзыцзянь характеризуется индивидуальной манерой и яркой жанровой спецификой этнопрозы, что дает возможность рассматривать ее произведения не только с точки зрения художественного вымысла, но и как ценный историко-этнографический и фольклорный источник. Так, отечественные исследователи отмечают, что Чи Цзыцзянь развивает национальную прозу [1, с. 41], и относят ее творчество к направлению «литературы родных краев» [2, с. 61].

Писательница, широко известная своей активной и принципиальной жизненной позицией, в своем творчестве часто обращается к теме малых народов, их бытовой культуре, к теме поисков гармонии в жизни современного общества. Для Чи Цзыцзянь любовь к родине — не абстрактное чувство, не обязательный атрибут гражданской позиции писателя: почти каждое ее произведение, начиная с самых ранних, отмечено яркой печатью национальной специфики. Родные места Чи Цзыцзянь — это северо-восток Китая, дикая природа Большого Хингана, извилистые горы и реки, густые леса. Писательница не только практически исключает из своего поля зрения тему города, но и часто показывает негативную сторону современной цивилизации, ее разрушительное влияние на природу, жизнь отдельного человека и даже на судьбу целого народа [3, с. 29].

Особое место в творчестве Чи Цзыцзянь занимает роман «Правый берег реки Аргунь», за который Чи Цзыцзянь в 2008 г. получила престижную в Китае литературную премию имени Мао Дуня, организованную Союзом китайских писателей. Члены литературной комиссии оценили роман как историко-поэтическое произведение, ставшее ярким событием национальной культуры.

В романе описывается вековая история жизни эвенкийского рода оленеводов и охотников, откочевавших от Байкала на правый берег реки Аргунь. Эвенки 鄂温克族 *эвэнькэ-цзу* — этнос, который расселился не только на обширных землях Сибири и Дальнего Востока России, но и на территории Китая и Монголии. По мнению Н. Н. Чебоксарова, в Китае большинство эвенков живет в эвенкийском автономном округе Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия и в провинции Хэйлунцзян [4, с. 697]⁷.

По данным китайских исследователей, эвенки Китая представлены тремя группами. Первая группа — солонь 索伦族 *солунь-цзу*, проживающие по берегам реки Хайлар (их основное занятие — скотоводство и земледелие). Вторая группа — тунгусы 通古斯 *тунгусы*, проживающие в хошуне Чэнь-Барга-Ци (рус. Старая Барга, кит. 陈巴尔虎旗 *чэньбаэрхуци*) и занимающиеся кочевым скотоводством. Третья группа — эвенки, сохранившие оленеводство, которых китайцы называют якутами — 雅库特 *якутэ*. Все эти три группы объединены одним языком и общими традициями, поэтому в китайской литературе их принято называть эвенками 鄂温克族 *эвэнькэ-цзу* [6, с. 89].

По мнению отечественных ученых, эвенки Китая представлены четырьмя этнолингвистическими группами, которые объединены в две официальные национальности, проживающие в округе Хулун-Буир во Внутренней Монголии и в провинции Хэйлунцзян: орочоны и собственно эвенки (солонь, тунгусы-яко, хамниганы) [7, с. 11].

⁷ По материалам Д. П. Болотина, на начало 2000-х годов численность эвенков на территории Сибири и Дальнего Востока России составляла около 35, 5 тыс. человек, на территории Китая проживало около 30 тыс. человек, в Монголии — 3 тыс. человек [5, с. 21].

В романе «Правый берег реки Аргунь» описана как раз жизнь группы собственно эвенков, а точнее — оленных тунгусов-яко⁸. Несмотря на то что в Китае эту группу называют 雅库特 якутэ, фактически эвенки-яко не являются якутами. По мнению Е. Ф. Афанасьевой, это эвенки, чьи предки перекочевали из районов реки Лены в Якутии на территорию Китая после революции 1917 г. В настоящее время в КНР это единственная группа, которая сохранила оленеводство как традиционный вид хозяйствования [7, с. 12].

Чи Цзыцзянь наполняет роман описаниями природы, ритуалов, традиционного уклада жизни этого кочевого народа. По мнению литературоведа Чжун Вэй, роман «Правый берег реки Аргунь» — это «шкатулка, в которую писательница собрала сокровища традиционной культуры эвенков Китая» [8, с. 106].

Создавая картину жизни эвенков, Чи Цзыцзянь намеренно обращается к их богатому фольклору. На протяжении долгой истории жизнь эвенков была тесно связана с мифами, легендами, героическими сказаниями, песнями, которые сохраняют в себе накопленные знания этого этноса об окружающем мире⁹. Фольклор в романе выполняет, прежде всего, выразительную, эстетическую функцию, помогая писательнице создать подлинную картину традиционной жизни эвенков. Мифологические сюжеты и песни шамана, представленные в романе, отражают процессы эволюции представлений эвенков об окружающем мире, формирование на их основе определенных правил поведения, ритуалов, табу. Одновременно с этим фольклор (особенно через песни шамана) отражает внутренние переживания героев. Фольклорные сюжеты тесно связаны с судьбами героев романа: духи в эвенкийских мифах влияют на жизнь отдельно взятых героев романа и на жизнь всего племени.

Многие китайские критики и исследователи отмечают, что интерес Чи Цзыцзянь к народным обычаям и фольклору является неотъемлемой характеристикой ее творчества. Так, Ли Хунсю пишет, что роман Чи Цзыцзянь раскрывает богатство, таинственность и многообразие народной культуры эвенков через мифы, легенды и народные традиции, которые органично вписаны в повествование [9, с. 4]. Чжу Хэмэй в монографии, посвященной влиянию фольклора эвенков Аолугуя на фольклорную стихию романа «Правый берег реки Аргунь», отмечает, что Чи Цзыцзянь перед написанием художественного произведения специально изучала культуру, историю и традиции эвенков по книгам, сказкам, легендам. «Прочувствовав красоту устной традиции эвенков, она вплела фольклор в ткань своего романного повествования» [10, с. 4].

Действительно, народные предания эвенков Аолугуя¹⁰ имеют свою богатую традицию. Эта фольклорная стихия оказала немалое влияние на роман Чи Цзыцзянь

⁸ Слово *яко* (йэкэ) происходит от эвенкийского «якут». Е. Ф. Афанасьева связывает с ним понятия «якуты», «Якутия» [7, с. 13].

⁹ Этногенезу, этнической культуре и фольклору эвенков посвящены многие серьезные труды отечественных ученых (см. работы С. М. Широкогорова, А. О. Ивановского, К. М. Рычкова, А. И. Мазина, Г. М. Василевич, А. Ф. Анисимова, Е. Ф. Афанасьевой, М. Г. Турова, М. Г. Левина, В. А. Туголукова, В. В. Карлова, А. А. Алексеева, Д. П. Болотина, З. П. Соколовой, А. М. Кайгородова, Н. В. Лукиной, О. А. Поворотнюк и др.) и китайских исследователей (см. работы Цюй Хун 屈红, Ван Мин 王明, Чжан Цзыюнь 张紫云, Лю Чуньлин 刘春玲, Хуан Фэн 黄峰, Бо Яньфэй 柏彦飞, Чжу Хэмэй 祝贺梅 и др.).

¹⁰ Аолугуя (敖鲁古雅) — пригород г. Гэнхэ во Внутренней Монголии. Самое отдаленное место проживания эвенков в Китае, где по сей день сохраняются народные промыслы и традиционное оленеводство.

и на тематическое разнообразие материалов, которые писательница включила в свое произведение. Кроме многочисленных легенд об охотниках и животных, есть предания, которые включают описания мифологических существ и духов, истории отдельных семей, брачные ритуалы и традиции, представления о добре и зле, исторические события и природные явления [10, с. 7].

Однако широкое использование фольклора в романе «Правый берег реки Аргунь» связано не только с художественными задачами писательницы, но и с биографией Чи Цзыцзянь: во многом интерес писательницы к фольклору вызван отдельными фактами ее детства, воспоминаниями о пребывании в деревне.

В одном из интервью на вопрос о том, как повлияло детство на ее творчество, Чи Цзыцзянь ответила, что «детство — это бессмертная звезда, которая освещает всю писательскую жизнь» [11]. Чи Цзыцзянь называет мифы и сказки своими первыми учителями литературы, сетуя при этом, что процесс глобализации постепенно стирает из народной памяти старые традиции, мифы и легенды, а сами люди разрушают природу, с которой когда-то жили в гармонии [12].

Собирая материал для романа «Правый берег реки Аргунь», Чи Цзыцзянь отправилась в места традиционных поселений эвенков. Время, проведенное писательницей вместе с эвенками, можно считать своеобразным опытом полевых этнографических и фольклорных исследований.

Фольклорные материалы, которые Чи Цзыцзянь включает в свой роман, весьма разнообразны: они представлены мифами и легендами о духах и божествах; сказками об охотниках и животных; народными преданиями об исторических личностях; мифами о происхождении племени (рода); легендами, объясняющими происхождение ритуалов; мифами и ритуальными песнями, рассказывающими о том, как шаман провожает душу умершего в загробный мир, и др. Весь фольклорный массив в романе по своей форме и жанровой принадлежности можно разделить на две большие группы. В первую группу входят жанры эпического фольклора (народные предания, мифы, легенды, сказки), вторую группу составляют ритуальные песни шамана [13].

Писательница неоднократно отмечает яркую особенность, находящую свое место и в ритуальной, и в повседневной жизни эвенков: «...почти каждый эвенк умеет петь, а звуки их песен часто безрадостны и унылы, как потоки слез... эвенки рождаются и умирают под звуки песен шамана» [14, с. 264].

Неслучайно писательница включает в роман около десяти ритуальных песен шамана. Наделяя их еще большим эмоциональным содержанием, писательница связывает содержание этих песен с судьбой героев романа — шаманов Ниду и Нихао.

От Ниду и Нихао нередко зависит не только жизнь отдельных героев, но и судьба целого рода. Ниду спасает от смерти девочку и отправляется на поиски ее души — *умай*, исцеляет смертельно раненного японского солдата. Нихао лечит больных детей, молится духам о дожде во время засухи и голода. Шаман должен оберегать свой род, он сталкивается со всеми бедами, которые выпадают на долю сородичей, поэтому судьба шаманов в романе очень трагична. Ниду провожает в другой мир душу женщины, которую он нежно любил, но с которой не мог быть вместе. Нихао за дарованные ей силы лишается своих детей, а потом жертвует собственной жизнью во время одного из ритуалов.

С помощью ритуальных песен, которые исполняют шаманы во время проведения ритуала прощания с душой умершего, Чи Цзыцзянь выражает внутреннюю боль, которую шаман переживает в одиночестве.

Наиболее трагична судьба Нихао — многодетной матери, которая, став новым шаманом племени, стала матерью для всех своих сородичей. Однажды в чум к Нихао принесли мальчика, который упал с высокого дерева. Нихао не могла оставить его без помощи, но за жизнь этого мальчика Нихао пришлось расплатиться жизнью собственного сына. Закончив камлания над больным ребенком, Нихао взяла в руки своего мертвого сына и спела ему последнюю песню:

Малыш, мой малыш,
Ты не должен отправляться в подземный мир.
Там нет солнца, там так холодно.
Малыш, мой малыш,
Ты должен попасть на небо,
Там есть свет,
Сверкающий Млечный путь.
Пусть тебя вскармливает Небесный олень [14, с. 141]¹¹.

Песня, которую поет Нихао, наполнена болью. С одной стороны, она исполняет свой долг. Нихао — шаман племени, и она знает, что все надеются только на ее помощь, поэтому она не может отказаться лечить больного мальчика. В то же время она мать, которая остро переживает потерю своего родного ребенка.

Песни шамана, выполняя экспрессивные функции, являются в то же время частью ритуальных действий, которые описываются в романе. Поэтому в песнях сохраняется связь с некоторыми традиционными представлениями и мифами эвенков.

Например, в песне Нихао есть отсылка к мифологическому сюжету о Небесном олене, распространенному среди эвенков, проживающих в пригороде Гэньхэ в поселке Аолугуя во Внутренней Монголии:

Млечный путь — это след на небе, который остается от саней Небесного оленя и от лыж охотника. Когда небесный дух создавал этот мир, тогда же создал оленя с шестью ногами. Этот олень бежал так быстро, что взлетал на небо. Среди людей не было человека, который мог бы его удержать. Тогда люди попросили Небесного духа поймать этого оленя. Небесный дух отправил одного героя-охотника изловить оленя. Охотник быстро бежал на лыжах за оленем, почти настигнул его, натянул лук и пустил стрелы по его ногам, однако олень по-прежнему быстро несясь вдаль. Тогда охотник обратился к Небесному духу: «Обычному человеку не поймать этого оленя, преврати его в четвероногого оленя». Небесный дух исполнил пожелание, и тогда-то охотник, наконец, поймал быстрого оленя, а след от погони остался на небе и превратился в сияющий Млечный путь [15, с. 161]¹².

Олень является особо почитаемым животным для эвенков, оленеводство и охота всегда были традиционными занятиями эвенкийских мужчин. Когда умирал мужчина, часто приносили в жертву оленя, а рядом с захоронением оставляли ста-

¹¹ Фрагменты романа, включая песни шаманов и описание ритуалов и обрядов, даны в переводе Д. С. Бочкаревой.

¹² Пер. Д. С. Бочкаревой.

рые вещи: одежду, охотничий нож, посуду. Эвенки верят, что все эти вещи будут необходимы душе умершего человека в другом мире. Поэтому в своей песне Нихао сравнивает своего сына с культурным героем, легендарным охотником, тем самым показывая, что в другом мире ее сын станет отважным мужчиной.

Кроме песен шамана в романе большое место уделяется народным легендам и традиционным верованиям эвенков. Один из мифологических сюжетов романа рассказывает о происхождении охотничьих ритуалов, связанных с поклонением лесному духу Байнача 百那查.

Дух Байнача довольно часто появляется в мифах и сказках эвенков в качестве старца-помощника, когда герой встречается лицом к лицу с опасностью. Добродушный седобородый старец дает наставления, помогая герою преодолеть жизненные препятствия. Появление этого персонажа всегда таинственно, он часто легко подлетает к герою или неожиданно выходит из-за дерева. Старец обладает удивительной способностью предвидеть события, в его руках находится жизнь людей и природы. В эвенкийских мифах образ седобородого старца — это символ мудрости, предвидения, доброты, милосердия. Вероятно, изначальным прообразом этого старца является почитаемый у эвенков лесной дух-помощник Байнача [16, с. 92].

В романе «Правый берег реки Аргунь» приводится легенда, которая объясняет происхождение горного духа Байнача:

Давным-давно зимой вождь одного племени собрал охотников и отправился в горы на охоту зверя. Во время охоты они заметили, что из расщелины в большой горе раздаются какие-то странные звуки, похожие на звериный вой, охотники сразу же окружили гору и стали готовиться. Вождь спросил охотников племени: как вы думаете, сколько там зверей? Но никто из охотников не знал. Вдруг появился один добродушный седобородый старик, он не только сказал, сколько зверей на горе, но и сказал, что это за звери, сколько точно оленей, собак и зайцев находится на горе. Закончив говорить, старик повернулся и ушел, но никто ничего не заподозрил. В конце второго дня вождь приказал людям идти подсчитать пойманную добычу. На самом деле выяснилось, что старик был прав. Вождь повелел найти седобородого старца, но тот исчез, и следа не осталось. Тогда вождь подумал, что старик был горным духом, который распоряжался всеми животными. Поэтому на том дереве, из-за которого неожиданно появился старик, вырезали лицо седобородого старца. После этого случая охотники стали приходить к этому дереву и совершать обряды жертвоприношений [14, с. 41].

Миф о духе Байнача отражает формирование верований и обрядов, связанных с промысловой деятельностью, цель которых — обеспечить успех в охоте и рыболовстве. Кроме того, он показывает, что промысловая деятельность эвенков не только обеспечивала их существование, но и являлась источником развития религиозных представлений, основанных на осознании существования факторов, не зависящих от воли человека [13].

Отдельным сложным вопросом историко-этнографических и литературоведческих исследований можно считать фольклорные сюжеты и образы, заимствованные эвенками в процессе длительных контактов с коренными народами Сибири и Дальнего Востока. О. Б. Арчакова и Л. Л. Трифонова отмечают наличие в народном творчестве эвенков влияние якутского, бурятского, русского, китайского фольклора, а также фольклора других народов Севера и Дальнего Востока [17, с. 6].

Проявление этих культурных и бытовых контактов с соседними народами отражено и в романе Чи Цзыцзянь. Имеются в виду многочисленные примеры из китайского фольклора с характерным персонажем — белой лисицей-оборотнем; заимствования из преданий орочен — о том, как олень научил эвенка останавливать кровь с помощью целебной травы; описания общения с русскими крестьянами, с которыми эвенки вели торговлю (эвенки называли их *андак* или *анда*, что означает «друг», «товарищ» — отсюда появилось понятие *андачить*, т. е. «торговать»)¹³, и многие другие.

Таким образом, Чи Цзыцзянь осознанно и целенаправленно использует в романе фольклорные мотивы, искусно вплетая в ткань повествования эвенкийские мифы, предания, песни шамана, народные приметы. При включении фольклорных элементов в роман Чи Цзыцзянь прибегает к прямому цитированию сюжетов, заимствованных из фольклора эвенков, а также активно использует художественно переработанные фольклорные мотивы. Такие приемы и подходы дают для современной литературы Китая новые образы и сюжеты, предоставляя возможности, связанные со сравнительными исследованиями мифологических сюжетов из фольклора сибирских и дальневосточных народов, включая ханьцев. Чи Цзыцзянь, сполна используя жанровую специфику этнопрозы, в своем творчестве поднимает актуальную тему сохранения традиций и этнической самобытности малых народов в условиях глобализации экономики и культуры.

Литература

1. Рябченко О. Н. Литература Северо-Востока КНР в период реформ // Ойкумена. 2009. № 3. С. 40–50.
2. Аюшеева Н. Г. Место «литературы родных краев» в творчестве современной китайской писательницы Чи Цзыцзянь // Вестник БГУ. 2010 (8). С. 61–64.
3. Ма Шуцзюань. Lun Chi Zijian xiaoshuo chuanguo zhong de tongnian qingjie [马淑娟. 论迟子建小说创作中的童年情结]. О детстве в произведениях Чи Цзыцзянь. 2011. 46 с.
4. Народы Восточной Азии [Peoples of East Asia] / под ред. Н. Н. Чебоксарова. М.: Наука, 1967. 1047 с.
5. Ду Дяньвэнь. Aoluguya ewenke — zhongguo zuihou de xunluren [杜殿文. 敖鲁古雅鄂温克 — 中国最后的驯鹿人 // 《文明》]. Эвенки деревни Аолугуя — последние оленеводы Китая // Пекин: Культура, 2001 (1). С. 88–95.
6. Афанасьева Е. Ф. Эвенки Китая // Тунгусо-маньчжурские этносы в новом столетии / материалы всероссийской конференции с международным участием. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2010. С. 11–21.
7. Чжун Вэй. Jianglun “Eergunahe youan” zhi shengming guan [钟玮. 简论《额尔古纳河右岸》之生命观 // 时代文学]. Об отношении к жизни в романе «Правый берег реки Аргунь» // «Современная литература», 2012 (4). С. 106–107.
8. Болотин Д. П. Происхождение амурских эвенков // Краеведение Приамурья. Периодический сборник. Благовещенск: Изд-во Благовещенского госпедуниверситета, 2008. № 3. С. 21–31.
9. Ли Хунсю. Lin Eergunahe youan. [李红秀. 论《额尔古纳河右岸》// 文艺争鸣]. О романе «Правый берег реки Аргунь» // Споры о литературе и искусстве. 2007 (12). С. 4–9.
10. Чжу Хэмэй. Aoluguya ewenke-zu koutou chuantong dui “Eergunahe youan” chuanguo de yingxiang [祝贺梅. 敖鲁古雅鄂温克族口头传统对《额尔古纳河右岸》创作的影响]. Влияние фольклора эвенков Аолугуя на роман «Правый берег реки Аргунь», 2010. 65 с.
11. Чи Цзыцзянь. Yi ge zuojia de tongnian jingyang, keyi shouyong yi sheng [迟子建. 一个作家的童年经验, 可以受用一生] (Детский опыт писателя можно использовать всю жизнь) // 中国作家

¹³ Русские торговцы в романе именуются *安达 анда*: «Лолинский — русский торговец-анда, каждый год, по меньшей мере два раза, он приходил в наше родовое стойбище» [14, с. 24].

网 (中华读书报) URL: <http://www.chinawriter.com.cn/2011/2011-05-31/107041.html> (дата обращения: 12.02.2014).

12. Чи Цзыцзянь. Zhe ge shidai hai xuyao shenhua ma? [迟子建. 这个时代还需要神话吗? // 迟子建散文 (人民文学出版社), (北京)]. Нужны ли в нашем веке мифы? // 道客巴巴 URL: <http://www.doc88.com/p-685404136955.html> (дата обращения: 24.11. 2013).

13. Войтишек Е. Э., Бочкарева Д. С. Этническая культура эвенков Китая (по материалам романа Чи Цзыцзянь «Правый берег реки Аргунь») // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография.

14. Чи Цзыцзянь. Eergunahe yoran [迟子健. 额尔古纳河右岸 (北京十月文艺出版社2006年1月)]. Правый берег реки Аргунь. Пекин: Шиюэ вэньи чубаньшэ, 2006. 278 с.

15. Ван Личжэнь. Ewenke-zu shenhua yangjiu [汪立珍. 鄂温克族神话研究 (中央民族大学出版社)]. Исследование мифологии эвенков. 2006. 339 с.

16. Ван Личжэнь. Ewenkezu yingxiong shenhua zhong de renwu xingxiang fengxi [汪立珍. 鄂温克族英雄神话中的人物形象分析 // 民族文学研究]. Анализ образов персонажей героического фольклора эвенков // Изучение народной литературы. 2009 (3). С. 91–93.

17. Арчакова О. Б., Трифонова Л. Л. Мифологические предания эвенков. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2006. 283 с.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Войтишек Елена Эдмундовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник;
orient@lab.nsu.ru

Бочкарева Дарья Сергеевна — магистрант; orient@lab.nsu.ru

Voytishek Elena E. — Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies,
Humanitarian Faculty; orient@lab.nsu.ru

Bochkareva Darya S. — graduate student; orient@lab.nsu.ru